

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

(Окончаніе).

Закрытый 20-го декабря 1861 года университет оставался вполне закрытымъ не долго. Оставленные за штатомъ профессора, преподаватели и чиновники университета пробыли въ такомъ положеніи только одинъ мѣсяць. Благодаря представленію новаго министра (А. В. Головнина), 20-го января новаго (1862) года вышло Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго профессора и преподаватели были причислены къ министерству народнаго просвѣщенія съ сохраненіемъ прежняго жалованья изъ нѣсколькихъ профессоровъ была образована для завѣдыванія дѣлами университета *Временная коммиссія* ¹⁾, а лица, завѣдывавшія учебно-вспомогательными учрежденіями, равно какъ и служившія по хозяйственной, канцелярской и другимъ частямъ, были оставлены при своихъ мѣстахъ на прежнемъ основаніи. Не читались только лекціи и не было слушателей; да и тутъ было сдѣлано исключеніе для факультета восточныхъ языковъ, который, «какъ единственный въ имперіи и по крайней необходимости его для практическихъ цѣлей государственной жизни», положено было открыть немедленно. Мало того, бывшимъ студентамъ 4-го курса всѣхъ факультетовъ, равно какъ и вольнослушателямъ, желавшимъ вмѣстѣ съ ними держать экзаменъ на степень кандидата, было разрѣшено явиться къ окончательному экзамену, а студентамъ 3-го курса—къ переходному. Съ этою цѣлью былъ образованъ особый *Испытательный комитетъ*. Возобновлены были, наконецъ, испытанія и на высшія ученныя степени, что дало возможность и пишущему эти строки окончить въ теченіе фев-

¹⁾ Членами этой коммиссіи состояли: по историко-филологическому факультету—Срезневскій, Благовѣщенскій и Штейнманъ; по физико-математическому—Ленць, Савичъ и Сомовъ; по юридическому—Горловъ и Ивановскій; по восточному—Мухлинскій, Чубиновъ и Березинъ. Предсѣдателемъ былъ назначенъ бывшій раньше ректоромъ П. А. Плетневъ.

раля начатые осенью экзамены на степень магистра. Такимъ образомъ, мало-по-малу пробуждалась жизнь въ зданіи XII коллегій, въ «закрытомъ» университетѣ.

Но рядомъ съ этимъ закрытымъ или, лучше, полуоткрытымъ университетомъ скоро возникъ другой, открытый настежь для всѣхъ желающихъ. Оставшіеся безъ лекцій студенты, не долго думая, обратились къ болѣе популярнымъ профессорамъ съ предложеніемъ читать публичные курсы и получили согласіе. И вотъ, съ разрѣшенія начальства, открылись лекціи въ большой залѣ Думы и въ зданіи нѣмецкаго петропавловскаго училища. Въ думѣ читали лекціи между прочимъ Костомаровъ, Кавелинъ, Спасовичъ, Утинъ, Стасюлевичъ; въ зданіи петропавловскаго училища—перешедшій изъ Кіевскаго университета и не успѣвшій еще открыть курса въ университетѣ Павловъ (Пл. В.) и Благовѣщенскій. На думскія лекціи собиравлись массы слушателей, особенно на лекціи Костомарова, гдѣ публику надо было считать не сотнями, а тысячами. Лекціи покойнаго историка зачастую были совсѣмъ неинтересны, иногда прямо скучны для массы публики, состоя иногда изъ одного перечня источниковъ по русской исторіи и обыкновенно изобилуя выдержками изъ лѣтописей и другихъ памятниковъ древней русской письменности, но все-таки думская зала наполнялась биткомъ, такъ какъ посѣщеніе хоть одной лекціи автора «Богдана Хмѣльницкаго» и «Стеньки Разина» считалось для любящаго публичную жизнь петербуржца и для пріѣзжаго изъ провинціи чиновника или помѣщика столь-же обязательнымъ, какъ посѣщеніе картинной выставки въ Академіи Художествъ. Самому Костомарову очень нравилась идея свободнаго университета, которую онъ даже заявлялъ публично въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», вслѣдствіе чего возникъ споръ между нимъ и профессоромъ Стасюлевичемъ, который, ничего не имѣя противъ университета типа парижскаго Collège de France, выражалъ желаніе, чтобъ петербургскій университетъ былъ не только Collège de France, т. е. университетомъ совершенно свободныхъ слушателей, но и Сорбонной, гдѣ ядро слушателей составляютъ принадлежащіе къ факультетамъ студенты. Въ то время многимъ казалось, что подобныя разсужденія могутъ имѣть у насъ практическое значеніе; но опытъ показалъ, что они были совершенно праздными, не оставивъ никакого слѣда не только въ правительственной, но и въ общественной мысли. Къ тому-же, этому свободному университету, первообразомъ котораго казались читавшіеся въ думѣ и въ петропавловскомъ училищѣ курсы, скоро нанесенъ былъ смертельный ударъ, и притомъ самими его слушателями.

2-го марта 1862 года въ залѣ Руадзе, нынѣшней залѣ Кононова, происходилъ литературно-музыкальный вечеръ «въ пользу бѣдныхъ учащихся». Главной приманкой этого вечера было сообщеніе Чернышевскаго объ умершемъ осенью 1861 года Добролюбовѣ, и публики пришло на

этотъ вечеръ видимо-невидимо. Но героемъ вечера сдѣлался не, покойный теперь, знаменитый публицистъ «Современника», а не имѣвшій большой извѣстности въ Петербургѣ раньше упомянутый профессоръ Павловъ. Онъ долженъ былъ говорить рѣчь по поводу предстоявшаго тогда юбилея тысячелѣтія государственнаго существованія Россіи. Содержаніе этой рѣчи было имъ помѣшено въ статью, напечатанной въ академическомъ календарѣ на 1862-й годъ, и не представляло собой ничего особеннаго, выходящаго за обыкновенный обзоръ событій русской исторіи. Но здравствующій и понинѣ лекторъ сдѣлалъ въ концѣ своей рѣчи небольшую прибавку, въ которой говорилось, что Россія, страданія которой въ концѣ прошлаго (ніколаевского) царствованія достигли будто-бы крайнихъ предѣловъ, стоитъ теперь надъ бездною, въ которую мы и повергнемся, если не обратимся «къ послѣднему средству спасенія, къ сближенію съ народомъ». Эти, не очень обдуманная слова, при тогдашнемъ возбужденномъ состояніи петербургскаго общества, произвели на слушателей такое впечатлѣніе, что огромная зала потряслась отъ рукоплесканій. Восторженнымъ крикамъ, стучанью стульями и другимъ знакамъ выраженія экзальтированныхъ чувствъ не было конца. Между тѣмъ лекторъ продолжалъ стоять у кафедры и, махая платкомъ, выражалъ желаніе еще что-то сказать. Наконецъ, когда мало-по-малу водворилась относительная тишина, онъ усиленнымъ елико возможно голосомъ произнесъ: «Имѣющій уши слышать, да слышитъ!» и съ этими словами удалился съ эстрады. Трудно описать тотъ взрывъ возбужденія, какой тогда послѣдовалъ въ залѣ. Я былъ свидѣтелемъ этого проявленія возбужденныхъ чувствъ и могу сказать, что не помню, чтобы потомъ мнѣ приходилось видѣть или испытывать что-либо подобное тогдашнему ощущенію. Часть молодежи пришла въ какое-то изступленное состояніе, которое не поддается описанію. «Что-то будетъ съ Павловымъ?» — такими словами заключается въ моемъ дневникѣ изложенное впечатлѣніе этого вечера. Такой вопросъ, уходя домой, безъ сомнѣнія, задавали себѣ многіе.

Профессоръ Павловъ, спустя нѣсколько дней, былъ арестованъ и затѣмъ, не смотря на ходатайство о немъ нѣкоторыхъ изъ товарищей, долженъ былъ отправиться на жительство въ Ветлугу. Это обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что завѣдывавшій организаціей профессорскихъ лекцій студенческой комитетъ обратился къ профессорамъ съ предложеніемъ прекратить, въ знакъ протеста, публичныя лекціи. Одни изъ читавшихъ лекцій профессоровъ тотчасъ согласились на такое предложеніе; другіе, не находя между дѣломъ проф. Павлова и читавшимися публичными курсами никакой связи, не соглашались на него: въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ Костомаровъ. За такое рѣшеніе, громко заявленное имъ послѣ ближайшей лекціи въ отвѣтъ на заявленіе студенческаго комитета о прекращеніи лекцій, онъ былъ безжалостно освистанъ и даже оскор-

блень ругательствами. Я не былъ на этой лекціи, но слышалъ тогда-же отъ очевидцевъ происшествія, что участникомъ въ этой прискорбной сценѣ, заставившей популярнаго профессора обозвать своихъ оскорбителей Репетиловыми, изъ которыхъ впоследствии выйдутъ Кречинскіе и Расплюевы, былъ одинъ изъ литераторовъ, бывшій потомъ издателемъ довольно распространеннаго и интереснаго журнала. Такъ прочна популярность въ Россіи!.. Костомаровъ все-таки хотѣлъ продолжать свои лекціи, но дальнѣйшее чтеніе публичныхъ курсовъ было прекращено правительствомъ. Вольный русскій университетъ провалился, и о немъ никто больше не заговаривалъ.

Зато настоящій, т. е. историческій петербургскій университетъ, благодаря счастливому времени и умному министру, такъ удачно избранному все еще пылавшимъ жаждою реформъ государемъ, не только не погибъ, но воскресалъ къ жизни все болѣе и болѣе явственнымъ образомъ. По Высочайшему повелѣнію 10 іюня положено было открыть съ начала предстоявшаго академическаго года физико-математическій факультетъ, а съ начала слѣдующаго (1863-го) академическаго года и факультеты историко-филологическій и юридическій вмѣстѣ съ введеніемъ новаго устава, который тогда дѣятельно вырабатывался университетскими совѣтами и ученымъ комитетомъ главнаго правленія училищъ.

Подготавливая университетъ къ полному открытію и имѣя въ виду значительное увеличеніе каедръ, какое проектировалось новымъ уставомъ, Головиннъ задумалъ въ первые-же мѣсяцы своего министерства широкую мѣру приготовленія профессоровъ не только для петербургскаго, но и вообще для русскихъ университетовъ. Мѣра эта была тѣмъ настоятельнѣе, что прекратившаяся съ 1848 г. по 1857 г. командировка молодыхъ ученыхъ за границу, вмѣстѣ съ затрудненіемъ доступа въ Россію иностраннымъ книгамъ, произвела полное оскудѣніе числа кандидатовъ на профессорское званіе. Теперь предпринята была въ небывалыхъ размѣрахъ посылка въ заграничные научные центры молодыхъ ученыхъ изъ всѣхъ русскихъ университетовъ, но главный контингентъ такихъ ученыхъ доставилъ Петербургъ изъ кандидатовъ, магистровъ и магистрантовъ, окончившихъ курсъ частію въ университетѣ, частію въ Главномъ педагогическомъ институтѣ, частію даже изъ бывшихъ студентовъ с.-петербургской духовной академіи. Такимъ образомъ въ теченіе 1862 г. сначала одинъ за другимъ, а потомъ и цѣлыми группами были отправлены: Ламанскій (Вл. П.), Васильевскій, Модестовъ, Мпротворцевъ, Новоселовъ, Нейлисовъ, Чистяковъ, Іонинъ, Шиховскій, Хорошевскій, Фортунатовъ, Владиславлевъ, Автократовъ, Авенаріусъ, Алексѣевъ, Беркевичъ, Коркинъ, Таганцевъ, Рождественскій, Думашевскій и другіе. Болѣе половины изъ поименованныхъ лицъ заняли профессорскія каедры въ разныхъ университетахъ и вполне оправдали оказанное имъ министерствомъ

и университетами довѣріе; имена же нѣкоторыхъ изъ нихъ до сихъ поръ стоятъ въ первомъ ряду представителей русской науки. Ламанскій, Васильевскій. Коркинъ до сихъ поръ еще остаются представителями петербургскаго университета. Между тѣмъ посылка молодыхъ ученыхъ за границу все продолжалась: въ слѣдующемъ (1863) году въ «Журналѣ Мпн. Нар. Просв.» печатались отчеты уже шести десятковъ лицъ, готовившихся въ Германіи, во Франціи и въ другихъ странахъ Европы къ занятію профессорскихъ кафедръ въ Россіи. Въ 1864 г., когда былъ введенъ въ дѣйствіе новый уставъ, стали уже возвращаться въ Петербургъ тѣ изъ молодыхъ ученыхъ, которые отправились въ командировку весной 1862 г., а за ними мало-по-малу и другіе. Это было кетати. Новыхъ преподавателей ждали не только старые университеты, гдѣ было много новыхъ или вообще не занятыхъ кафедръ, но и только-что основанный университетъ, Новороссійскій, который долженъ былъ открыться 1-го мая 1865 г.

Закрытый 20 декабря 1861 г. и открытый съ осени 1863 г. по всѣмъ факультетамъ, С.-Петербургскій университетъ вступилъ въ новый періодъ своей жизни не только въ силу того, что прежняя жизнь его болѣе чѣмъ въ половинѣ его организма была прервана, такъ какъ историко-филологическій и юридическій факультеты потеряли всѣхъ прежнихъ студентовъ и начали свою дѣятельность съизнова, съ перваго курса, но и въ силу обновленія всей своей организаціи новымъ уставомъ, утвержденнымъ 18 іюня 1863 г. Этотъ новый уставъ, проведеніе котораго связано съ именемъ А. В. Головнина, представляетъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ актовъ эпохи реформъ и составляетъ истинную славу прошлаго царствованія. Тщательно разработанный, провѣренный въ нѣсколькихъ инстанціяхъ, бывшій на обсужденіи всѣхъ русскихъ университетовъ, встрѣтившій одобреніе знаменитѣйшихъ представителей европейской науки, которымъ онъ былъ разсылаемъ въ переводѣ на иностранные языки до своего обнародованія, онъ вдохнулъ въ наши захирѣвшіе университеты духъ жизни и придалъ ихъ дѣятельности полеть, о которомъ они прежде и не мечтали. Главныя черты его были: автономія во всѣхъ дѣлахъ, касающихся не только научной жизни и преподавательской дѣятельности, но и внутренней администраціи, строго проведенное выборное начало въ замѣщеніи какъ ученыхъ должностей, такъ и административныхъ; умноженіе кафедръ по всѣмъ факультетамъ, въ число которыхъ въ первый разъ вошелъ въ университетскій уставъ и восточный факультетъ въ С.-Петербургѣ, основанный еще указомъ 24 октября 1854 г.; значительное увеличеніе денежныхъ средствъ на учебныя пособия и учрежденія; увеличеніе вдвое содержанія профессоровъ столичныхъ университетовъ и болѣе чѣмъ вдвое содержанія профессоровъ провинціальныхъ, содержаніе которыхъ по уставу 1835 г. было меньше, чѣмъ какое получали профессора и преподаватели въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

Введеніе въ дѣйствіе университетскаго устава 1863 года было принято съ ликованіемъ всѣми университетами, и многіе годы послѣ того благодѣтельность этого законодательнаго акта постоянно указывалась въ университетскихъ отчетахъ и историческихъ обзорахъ, равно какъ и во всеподданнѣйшихъ отчетахъ министра Народнаго Просвѣщенія ¹⁾, и именно въ отчетахъ преемника Головинна, графа Дм. Толстого. Въ крупныхъ достоинствахъ его, по крайней мѣрѣ въ теченіе десятка лѣтъ, не было никакого сомнѣнія, и петербургскій университетъ — сказать это требуетъ самая простая справедливость—во все время дѣйствія этого устава стоялъ на высотѣ своего положенія и приобрѣтенною автономіей, которую и оффиціальныи историкъ пятидесятилѣтія университета В. В. Григорьевъ ²⁾ призналъ *совершенно необходимою для процвѣтанія университетовъ*, пользовался для развитія научной жизни и для расширенія преподаванія достойнѣйшимъ образомъ. Такъ, въ теченіе какихъ-нибудь пяти съ половиною и даже менѣе того лѣтъ, ко дню своего пятидесятилѣтія С.-Петербургскій университетъ приобрѣлъ 52 новыхъ преподавателя, замѣстивъ почти всѣ полагавшіяся по штату вакансіи, поставилъ на надлежащую высоту учебно-вспомогательныя учрежденія (кабинеты и лабораторіи), образовалъ три новыхъ ученыхъ общества (химическое, естествоиспытательное и филологическое), организовалъ, въ концѣ 1867 г., съѣздъ естествоиспытателей, привлеки къ нему до 600 членовъ (цифра для того бездорожнаго времени очень значительная), произвелъ 29 докторовъ и 47 магистровъ и 18 лицъ возвелъ, на основаніи новаго устава, въ степень почетнаго доктора ³⁾. Ни одинъ университетъ не можетъ похвалиться столь замѣтнымъ развитіемъ своихъ силъ въ такой краткій періодъ, хотя и въ другихъ университетахъ научная жизнь въ первое десятилѣтіе послѣ изданія устава 1863 г. сильно двинулась ⁴⁾.

Шестидесятые годы, подѣ благодѣтельнымъ дѣйствіемъ новаго устава, положили начало процвѣтанію петербургскаго университета. Полный расцвѣтъ этой жизни совершился лишь въ семидесятые и въ первую половину восьмидесятыхъ годовъ, когда новыя научныя силы, которыми запасся университетъ ко времени своего пятидесятилѣтняго юбилея, достигли зрѣлости, когда общество естествоиспытателей могло развитъ свою дѣятельность въ широкихъ размѣрахъ, предпринимая экспедиціи въ разныя мѣста имперіи для изслѣдованія природы нашего

¹⁾ Смъ объ этомъ между прочимъ, въ моей брошюрѣ: «Русская наука въ послѣднія двадцать пять лѣтъ». Одесса, 1890 г. стр. 14 слѣд.

²⁾ «Имп. С.-Петерб. Университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ» и пр., стр. 322.

³⁾ Григорьевъ, стр. 390—422.

⁴⁾ См. «Русскіе Университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія», Вл. Ст. Иконникова. «Вѣстн. Евр.» 1876, ноябрь, стр. 128 и слѣд.

отечества въ разныхъ отношеніяхъ, когда университетъ сталъ все болѣе и болѣе принимать участіе въ международныхъ ученыхъ сѣздахъ, когда въ немъ стали выдвигаться и громко заявлять себя специальности, существовавшія въ другихъ университетахъ развѣ въ зародышѣ, каково напр. изученіе Византіи, или область романо-германской филологіи, когда въ немъ больше чѣмъ когда-либо выдвинулось имень, слѣвавшихся достояніемъ европейской науки. За этотъ періодъ времени петербургскій университетъ приобрѣлъ неоспоримо первое мѣсто въ ряду русскихъ университетовъ. Главную силу его составлялъ, какъ составляетъ и теперь, физико-математическій факультетъ, которому не было во весь періодъ дѣйствія устава 1863 г., какъ нѣтъ и теперь, равнаго въ Россіи. Стоитъ только назвать геометра Чебышева, химиковъ Бутлерова и Менделѣева, чтобы видѣть до какой высоты въ петербургскомъ университетѣ поднялось преподаваніе важнѣйшихъ областей математики и естествознанія. Если Петербургъ такъ изобилуетъ натуралистами, что напр. на сѣздѣ конца 1889 г. онъ одинъ могъ выставить 1200 специалистовъ (на 2200 общаго числа) по естествознанію, то этимъ безъ сомнѣнія онъ обязанъ всего болѣе физико-математическому факультету своего университета. Да и два другихъ факультета, юридическій и историко-филологическій (восточнаго сравнить не съ чѣмъ въ Россіи), были доведены къ восьмидесятымъ годамъ до положенія, которому, въ общемъ, могъ позавидовать любой изъ русскихъ университетовъ, хотя на той или другой отдѣльной кафедрѣ были не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ представители, которые или не уступали петербургскимъ, или даже превосходили ихъ. Если указать напр. на историковъ Соловьева и Герье въ Москвѣ, на Антоновича въ Кіевѣ, на словесниковъ—Потебню въ Харьковѣ и Тихонравова въ Москвѣ, то мы увидимъ, что сравненіе по соответствующимъ кафедрамъ въ извѣстные моменты будетъ не всецѣло въ пользу Петербурга. Политическая экономія, римское право также обладали къ восьмидесятымъ годамъ въ нѣкоторыхъ университетахъ специалистами, которымъ должны будутъ уступить представители этихъ кафедръ въ Петербургѣ. Но, говоря вообще, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ это былъ безспорно лучший университетъ въ Россіи. Начала устава 1863 года нашли въ немъ самую благодарную почву для своего развитія и практическаго примѣненія.

Но въ то время какъ ученые силы, учебно-воспитательныя учрежденія, ученая жизнь, дѣятельно вспомоществуемая, особенно на физико-математическомъ факультетѣ учеными обществами, представляли много отраднаго, возобновившіеся безпорядки въ студентской средѣ нерѣдко заставляли друзей русскихъ университетовъ задумываться. Семидесятыя годы были въ Россіи временемъ, когда развилась и окрѣпла революціонная пропаганда, организовавшая первые свои кадры, какъ показываетъ

исторія покушенія Каракозова (1866), еще въ предыдущемъ десятилѣтїи. Особенно благоприятную почву для этой пропаганды составляла все болѣе и болѣе увеличивавшаяся масса юношей, выбрасывавшаяся изъ гимназій по неспособности удовлетворить требованіямъ классической сїстемы, введенной гимназическимъ уставомъ 1871 года: число исключавшихся изъ гимназій доходило ежегодно до 8,000—10,000. Безпорядки, проявлявшіеся то въ одномъ, то въ другомъ университетѣ въ теченіе семидесятихъ годовъ, къ концу этихъ годовъ и съ началомъ восьмидесятихъ сдѣлались почти хроническими вездѣ и въ петербургскомъ университетѣ, можетъ быть, особенно, такъ какъ въ Петербургѣ былъ видимо центръ дѣятельности революціонной партїи. Революціонныя событія волновали городъ, волновали и учащуюся молодежь.

Студентскіе безпорядки въ университетахъ, съ одной стороны, нѣкоторые промахи самоуправленія въ провинціальныхъ университетахъ— съ другой, подали поводъ къ мысли о необходимости перемѣны университетскаго устава. Мысль эта, возникшая еще въ министерство графа Толстого и проповѣдывавшаяся съ особенною страстностью и настойчивостью «Московскими Вѣдомостями», въ кратковременныя министерства г. Сабурова и барона Николаи (1880—1882) была оставлена, какъ не имѣющая для себя оправданія въ дѣйствительномъ положеніи и потребностяхъ русскихъ университетовъ, но зато выступила на первый планъ, когда министерство народнаго просвѣщенія перешло къ И. Д. Делянову (мартъ 1882 г.), подъ предсѣдательствомъ котораго въ министерство графа Толстого работала коммиссія, составленная для пересмотра университетскаго устава. Представленный въ Государственный Совѣтъ проектъ новаго устава, нѣсколько видоизмѣненный противъ того, какой уже былъ въ концѣ семидесятихъ годовъ внесенъ туда графомъ Толстымъ, встрѣтилъ среди членовъ нашего законодательнаго учрежденія живѣйшую оппозицію. Огромное большинство членовъ Совѣта не сочувствовало тѣмъ ограниченіямъ университетской автономїи, которая составляла сущность и цѣль этого проекта, и онъ былъ отвергнутъ. Но Государю было угодно передать разсмотрѣніе этого вопроса особому комитету (изъ министра народнаго просвѣщенія, министра внутреннихъ дѣлъ, министра государственныхъ имуществъ и оберъ-прокурора св. Синода), которые признали принятіе проекта устава необходимымъ, совершенно отмѣнивъ при этомъ выборное начало, и въ этомъ видѣ представили дѣло на Высочайшее благоусмотрѣніе. Указомъ 23 августа 1884 года было повелѣно ввести въ университетахъ: С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, св. Владиміра (въ Кіевѣ) и Новороссійскомъ (въ Одессѣ) новый уставъ, который дѣйствуетъ и понынѣ.

Такимъ образомъ въ короткій періодъ своего существованія с.-петербургскій университетъ переживаетъ уже *четвертый* уставъ, — обстоя-

тельство, очень характеристичное какъ для склада нашей жизни вообще, такъ и для положенія въ нашей странѣ высшаго образованія. Ничего подобнаго университетская жизнь въ другихъ странахъ не представляетъ. Такъ еще не тверды наши идеи объ условіяхъ высшаго образованія и такъ шатки еще наши принципы въ важнѣйшихъ вопросахъ культурной жизни, приличествующей европейскому народу!

Разница между уставомъ 1863 г. и уставомъ 1884 г. очень существенна. На разстояніи какихъ-нибудь двухъ десятковъ лѣтъ составители двухъ законодательныхъ актовъ, относящихся къ одному и тому же предмету, дѣйствуютъ совершенно на разныхъ началахъ. Составители устава 1863 г. выходили изъ того начала, что университеты ни въ чемъ такъ не нуждаются для своего процвѣтанія, какъ въ самоуправленіи: мысль эта не только проведена въ самомъ уставѣ, во всѣхъ его параграфахъ, касающихся учебной и административной части, но и на разные лады развивалась въ министерскихъ статьяхъ Журнала Мин. Нар. Просв., въ которыхъ шла рѣчь объ изданіи устава, а затѣмъ объ его дѣйствіи, во всеподданнѣйшихъ отчетахъ министровъ, въ рѣчахъ, произносившихся профессорами на университетскихъ актахъ, въ официальныхъ заявленіяхъ всякаго рода, гдѣ только говорилось о строѣ жизни и дѣятельности университетовъ. Составители устава 1884 г., наоборотъ, руководствовались убѣжденіемъ, что спасеніе университетовъ заключается въ елико-возможно большемъ ограниченіи автономическаго начала и въ такомъ подчиненіи ихъ министерской власти, при которомъ не только всякое назначеніе въ должность исходитъ отъ министра или отъ попечителя, но и самое преподаваніе идетъ не иначе, какъ подъ строгимъ министерскимъ контролемъ, получая въ томъ, что касается выбора курсовъ, санкцію министерства.

Сообразно столь различнымъ точкамъ отправления множество статей того и другого устава въ соответствующихъ пунктахъ формулировано совершенно иначе. Глава о попечителѣ, краткая и мало замѣтная въ уставѣ 1863 г., въ уставѣ 1884 г. выступаетъ на первый планъ и получаетъ тамъ значительное распространеніе. Знакомъ усиленія власти попечителя по этому уставу является и то, что онъ имѣетъ право созывать совѣтъ, правленіе и факультетское собраніе, а также, когда вздумается, присутствовать въ засѣданіяхъ этихъ учреждений. О ректорѣ въ уставѣ 1863 г. говорится, что онъ *избирается совѣтомъ* на четыре года и *утверждается* Высочайшимъ приказомъ, а по уставу 1884 г. онъ *избирается Министромъ Народнаго Просвѣщенія* и *назначается* Высочайшимъ приказомъ (также на четыре года). Власть ректора по отношенію къ профессорамъ и преподавателямъ университета въ новомъ уставѣ расширена на столько, что онъ имѣетъ право дѣлать имъ «указанія, напоминанія и замѣчанія». тогда какъ по уставу 1863 г. о несправности или неправильныхъ дѣй-

ствіяхъ этихъ лицъ онъ могъ только сообщать факультету, совѣту или, въ важныхъ случаяхъ, доводить до свѣдѣнія попечителя. Деканы по прежнему уставу *избирались факультетами* на три года, а по новому *избираются попечителемъ* и утверждаются министромъ на четыре года. Секретарь факультета, во время дѣйствія устава 1863 г., также избирался факультетомъ, а по уставу 1884 г. онъ «избирается» однимъ деканомъ. Центромъ университетской жизни по уставу 1863 г. былъ совѣтъ, который являлся и главнымъ органомъ самоуправления университета; по новому уставу роль совѣта, какъ органа университетскаго управленія, съужена до самыхъ незначительныхъ размѣровъ: онъ не выбираетъ ни ректора, ни инспектора, ни секретаря, ни бібліотекаря, ни казначея, ни другихъ служащихъ въ университетѣ лицъ; что же касается до выбора профессоровъ, то онъ можетъ давать только свои заключенія объ избранномъ факультетомъ кандидатѣ, когда министру угодно предоставить выборъ профессора самому университету. На практикѣ совѣтъ университета въ настоящее время представляетъ учрежденіе, которому принадлежитъ наименьшая сумма дѣятельности въ университетской жизни и которымъ наименѣе интересуются члены университета, такъ какъ важнѣйшія изъ его прежнихъ функцій теперь или совсѣмъ отошли отъ университета, или перешли къ другимъ органамъ университетскаго управленія: къ правленію, къ факультету и инспекціи надъ студентами.

Что касается устройства учебной части, то уставы, прежніи и нынѣшній, мало расходятся. Количество каедръ на историко-филологическомъ факультетѣ оставлено одно и то же (11): разница только въ томъ, что греческая и римская словесность сведены въ новомъ уставѣ въ одну кафедру классической филологіи, въ кафедру сравнительнаго языкованія введено обязательное преподаваніе санскритскаго языка, да введена новая кафедра — географіи и этнографіи, которую, впрочемъ, потомъ было рѣшено считать принадлежащей физико-математическому факультету. Въ физико-математическомъ факультетѣ вмѣсто 12 каедръ положено 10, причемъ физика и физическая географія соединены въ одну кафедру, какъ и минералогія съ геологіей. Въ юридическомъ—число каедръ уменьшено на одну кафедру (12 вмѣсто 13), причемъ отмѣнены каедры—исторіи важнѣйшихъ иностранныхъ законодательствъ, древнихъ и новыхъ, и исторіи славянскихъ законодательствъ, и введена кафедра торговаго права и торговаго судопроизводства; вмѣстѣ съ этимъ первенствующее значеніе дано римскому праву, а энциклопедія права, стоявшая въ уставѣ 1863 г. на первомъ мѣстѣ, отведена на послѣднее. Медицинскій факультетъ приобрѣлъ цѣлыхъ шесть новыхъ каедръ (23 вмѣсто 17), причемъ въ видѣ новыхъ каедръ явились: систематическое и клиническое ученіе о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, систематическое и клиническое ученіе о накожныхъ и сифилитическихъ болѣзняхъ, оперативная

хирургія съ топографическою анатоміей и съ упражненіями въ операціяхъ на трушахъ, хирургическая патологія съ десмургіей и съ ученіемъ о вывихахъ и переломахъ, гигиена съ эпидемиологіей и медицинскою полиціей, медицинскою статистикою и ученіемъ объ эпизоотическихъ болѣзняхъ и ветеринарною полиціей, наконецъ исторія и энциклопедія медицины. Въ факультетѣ восточныхъ языковъ число кафедръ (9) осталось безъ переменъ и только перечислены онѣ въ другомъ порядкѣ. Преподавательскій персоналъ измѣненъ въ томъ смыслѣ, что штатные доценты уничтожены и въ замѣнъ того дано особое развитіе институту приватъ-доцентовъ. Въ дѣлѣ преподаванія установлено, что факультеты составляютъ учебные планы, утверждаемые министромъ; объявляемые къ чтенію курсы на каждую половину академическаго года вносятся въ «Обозрѣніе преподаванія» и всякій разъ препровождаются въ министерство, которое и даетъ предположеннымъ курсамъ свою санкцію, если находятъ ихъ цѣлесообразными. Студентамъ предоставлено право дѣлать выборъ между преподавателями одного и того-же предмета; но студентъ обязанъ слушать извѣстное количество курсовъ въ каждое полугодіе, и притомъ курсовъ, читаемыхъ въ опредѣленномъ количествѣ недѣльныхъ лекцій, равно какъ участвовать въ практическихъ занятіяхъ: безъ соблюденія этихъ условій полугодіе ему не засчитывается въ число восьми или (по медицинскому факультету) десяти полугодій, необходимыхъ для допущенія его къ окончательному экзамену. За слушаніе лекцій каждый студентъ обязанъ платить (если онъ не освобожденъ отъ этого), сверхъ платы въ пользу университета, гонораръ профессору или приватъ-доценту, сообразно съ количествомъ слушаемыхъ у нихъ лекцій. За допущеніе къ окончательному (государственному) экзамену также взимается съ каждого студента особая плата (20 рублей). Экзамены же эти производятся особыми комиссіями, члены и предсѣдатели которыхъ ежегодно назначаются министромъ. Плата университету, установленная уставомъ въ 5 рублей, потомъ была возвышена въ 25 рублей за полугодіе; гонораръ профессору или приватъ-доценту опредѣлился въ 1 рубль за недѣльную лекцію въ полугодіе.

Характеристическимъ отличіемъ въ новомъ уставѣ является глава объ инспекторѣ студентовъ и его помощникахъ. По уставу 1863 года, для надзора за исполненіемъ студентами правилъ выбирался совѣтомъ и утверждался министромъ или проректоръ изъ профессоровъ на три года, или инспекторъ безсрочно. По уставу 1884 года инспекторъ опредѣляется министромъ по представленію попечителя округа и «состоитъ подъ начальствомъ попечителя». Онъ наблюдаетъ за студентами не только въ университетѣ, но и внѣ университетскихъ зданій, «слѣдуя въ этомъ отношеніи ближайшимъ указаніямъ попечителя». Помощники инспектора и

секретарь по студенческимъ дѣламъ опредѣляются попечителемъ по представленію инспектора, впрочемъ «основанному на соглашеніи съ ректоромъ». Въ дѣйствіяхъ своихъ инспекторъ студентовъ и его помощники «руководствуются инструкціей, данною министромъ народнаго просвѣщенія».

В. Модестовъ.